

Артеми́й Ма́р

Ты снилась мне
тысячу лет

18+

10+

Арте́мий Ма́р

Ты снилась мне тысячу лет

«Автор»

2026

Мар А.

Ты снилась мне тысячу лет / А. Мар — «Автор», 2026

Роман о том, что родную душу узнаешь сразу — даже через тысячу лет. О том, что после самой долгой разлуки можно прошептать: «Какое же счастье, что снова мы вместе...». Для тех, кто верит — или хочет верить, — что настоящая любовь не кончается. Она просто ждёт своего часа на условленном месте. Роман о том, что любовь сильнее смерти. Она — разочарованная в любви. Он — с детства преследуют сны о женщине с глубокими глазами. Один взгляд — и они понимают: это не первая их встреча. Египет, где она танцевала в храме, а он смотрел из тени колонны. Франция, где он пел для неё перед казнью. Сталинград, где она согревала его руки дыханием в ледяном подвале. Девять жизней, девять потерь. В каждой они находили друг друга — и в каждой их разлучали. В этот раз у них есть время. Целая жизнь. Мастерская с видом на Неву становится их домом. Рождается дочь Маша, которая тоже помнит. А когда они уходят, остаётся камешек с дырочкой — Куриный бог, в котором мерцает огонь. Неугасимый. Вечный.

© Мар А., 2026

© Автор, 2026

Артемий Мар

Ты снилась мне тысячу лет

ТЫ СНИЛАСЬ МНЕ ТЫСЯЧУ ЛЕТ

роман

От автора

Посвящается моей любимой жене

За её глубокие глаза

За её улыбку

За её руки

За любовь

Какое же счастье, что снова мы вместе

Пролог (из песни)

Глубокие глаза — бесконечной вселенной,

И сердце забилося, узнало, заныло.

Не просто желанье, а древняя сила

Нас снова друг к другу сквозь время прижала.

Мы помним все жизни, что прожиты вместе,

Любовь, что горит неугасимым огнём.

И каждую жизнь на условленном месте

Мы снова встречаемся только вдвоём.

Живут наши души, как Божьи искринки,

Тела наши — пламя среди холода льдинки.

Одно лишь касанье, один только взгляд твой —

Ты вспомнила всё в моём преданном взгляде.

Пусть годы летят и меняется мир,

Но тихий наш шёпот — сильнее всех бурь.

Твоя лишь улыбка залечит все раны,

Что души несли сквозь века и туманы.

И пусть говорят, что так не бывает —

Душа моя рядом с твоею взлетает!

Держи мою руку, не бойся, родная,

Мы вечность свою начинаем у края...
Я жил в ожидании, что счастье найдётся,

И каждый наш миг им теперь отзовётся.

Любовь — наши дети, любовь — это нежность.

Какое же счастье, что снова мы вместе.

Глава 1

Глубокие глаза — бесконечной вселенной

Она стояла на мосту и смотрела в воду.

Неву не все любят. Она холодная, тяжёлая, стальная. Чуждая. Но Лена любила. Могла стоять так часами — смотреть, как течёт, как меняет цвет от стального к зеленоватому, как несёт в себе что-то древнее, ленинградское, петербургское, вечное. Вода всё помнит. Вода не спрашивает, кто ты и зачем здесь. Вода просто течёт.

Ей было двадцать семь.

Она работала в Эрмитаже, в отделе реставрации графики. Каждый день — старые рисунки, пожелтевшие письма, чьи-то лица из прошлого. Она привыкла к тому, что чужие жизни интереснее своей. Там, в пожелтевшей бумаге, люди любили, теряли, ждали.

Иногда, оставшись в отделе одна, она подходила к витрине с рисунками старых мастеров. Там был один, особенно любимый — женский портрет углём, без подписи, без даты. Женщина смотрела куда-то вбок, и в глазах её было такое ожидание, что у Лены каждый раз щемило сердце.

— Ты тоже ждёшь? — шептала она портрету, — я тебя понимаю.

Портрет молчал. Но Лене казалось, что они понимают друг друга.

За спиной — бывший муж, хороший человек, просто не её. Она выходила за него с надеждой, что чувства придут потом. Не пришли. Разошлись тихо, без скандалов, без слёз. Иногда она думала: может, со мной что-то не так? Может, я не умею любить?

Несколько отношений после — коротких, бледных, которые гасли, не успев загореться. Она не винила мужчин. Сама чувствовала, что отдаёт им только часть себя. Самую малость. Главное где-то спрятано, глубоко, на дне. Она и сама не знала, где искать.

Она смотрела, как подруга Ира листает ленту в телефоне, пододвигая экран:

— Вот этот. Инженер. Симпатичный.

Лена мельком глянула. Хорошее лицо. Умное. Правильное.

— Не надо, — сказала она.

— Почему?

Лена не ответила. Потому что нечего было сказать. Она уже пробовала. Сидела в кафе, слушала правильные голоса, улыбалась в нужных местах. А потом возвращалась домой и чувствовала, что всё равно одна. И даже не больно. Просто никак.

В тот ноябрьский день она вышла с работы пораньше.

Устала от чужих лиц на старых рисунках. От чужой боли, чужой любви, чужой жизни. Захотелось своего, живого. Воздуха. Тишины.

Она пошла пешком через мост. Просто дышать. Просто смотреть на воду. Просто быть.

Нева дышала холодом. Внизу, в темноте, вода кружилась воронками, уносила отражения фонарей, дробила их на тысячу осколков. Лена остановилась у перил, оперлась локтями о холодный камень. Закрыла глаза на секунду.

Ветер трепал волосы, бросал в лицо мелкие капли. Холод забирался под пальто, но она не шевелилась.

Просто стояла. Слушала, как тяжело дышит вода внизу.

Ни одной мысли. Только это — темнота под веками, холодный гранит под локтями и пустота внутри, которая вдруг стала слишком громкой.

Она не знала, что через минуту всё изменится.

Он шёл навстречу.

Алексей вышел из своей мастерской час назад. Не мог сидеть на месте. Руки не слушались, глина не хотела лепиться, мысли разбегались. Он сам не знал, что с ним. Какая-то тревога, какой-то зов.

В последнее время он вообще мало что понимал. Три года назад он развёлся.

— Ты живёшь в своём мире. Я тебе не нужна.

И ушла.

Он тогда не спорил. Стоял в пустой мастерской, в своём мире — из глины, из образов, из снов, которые мучили его с детства. Он пытался быть хорошим мужем, но всё время чувствовал, что делает что-то не то. Она была права — он и правда отдавал ей только то, что оставалось между снами и работой. Самую малость. А главное где-то прятал.

Он не знал, как это объяснить. Просто знал, что должен ждать.

После развода он ушёл в работу с головой. Лепил, вырезал, обжигал. Иногда ему казалось, что он сходит с ума. Что эти сны, эти лица, эти глаза — не его фантазия, а чья-то чужая память, впущенная в его голову.

Он никому не рассказывал. Боялся, что сочтут сумасшедшим. Только по ночам, лёжа в темноте, шептал в пустоту:

— Где ты? Я жду. Я очень долго жду.

Сегодня было особенно остро. Руки тряслись, глина рассыпалась в пальцах. Он бросил всё, накинул пальто и вышел в ночь. К Неве. Всегда к ней, когда внутри штормило.

На мосту он остановился. Пальцы сами сжались в кулаки. Дыхание вырывалось паром, оседало на воротнике. Курить хотелось до ломоты в груди. Он достал пачку, вытряхнул сигарету, хотя бросал курить уже год. Смотрел на воду и думал: *сколько можно ждать неизвестно кого?*

Он знал, что ждёт. Всегда знал. С детства снилась женщина с глубокими глазами. Он не видел её лица, но чувствовал — она есть. Где-то. Когда-то. Он найдёт.

Сегодня было особенно остро. Сегодня ему казалось, что он сойдёт с ума, если не встретит её прямо сейчас.

Он выбросил сигарету, так и не докурив. Пошёл дальше по мосту.
И увидел её.

Лена открыла глаза.

Он шёл прямо на неё. Высокий, в тёмном пальто, с непокрытой головой — волосы мокли под мелким дождём. Обычный прохожий. Таких сотни.

Но когда она увидела его глаза...

Она застыла. Перестала дышать. Перестала думать.

В них было что-то большее, чем цвет или форма. В них была глубина. Бесконечная, тёплая, родная. Вселенная, в которую хотелось падать и падать.

И она уже падала. Внутри у неё всё оборвалось — как тогда, в детстве, когда оступилась на лестнице и летела, не понимая, где пол, где потолок, и сердце уходило в пятки.

Только сейчас не было страха. Только узнавание.

Он тоже остановился.

Так резко, будто наткнулся на стеклянную стену. Смотрел на неё — и вдруг улыбнулся. Растерянно, как ребёнок, который нашёл то, что потерял давным-давно и уже перестал искать.

Мост исчез. Вода исчезла. Город исчез.

Остались только эти глаза — напротив, в двух шагах, и сердце, которое вдруг забилось не так, как всегда.

Она слышала его. Своё сердце. Оно стучало громко, тяжело, будто пыталось вырваться из груди и подойти к нему.

Он сделал шаг. Потом другой.

Она не двинулась с места. Не могла.

— Здравствуйте, — сказал он тихо.

Она услышала его голос — и не могла пошевелиться. Не от страха. От чего-то другого, для чего у неё не было названия.

— Здравствуйте, — ответила она. И поняла, что сейчас заплачет. Сейчас, через секунду.

Глава 2

И сердце забилось, узнало, заныло

Она стояла и смотрела на него, и слёзы текли по щекам, а она даже не замечала. Просто стояла и смотрела, будто пыталась вспомнить что-то очень важное, что забыла много лет назад.

— Вы... — начала она и замолчала.

Что говорить незнакомому человеку на мосту? «Вы мне кого-то напоминаете»? Пошло и глупо. «Я вас знаю»? Она его не знала. Совсем. Но внутри, глубоко-глубоко, что-то кричало: *знаешь, знаешь, это он.*

Он стоял и смотрел на неё так, будто боялся моргнуть. Будто если моргнёт — она исчезнет. Пальцы его, сжимавшие перчатки, чуть дрогнули — он перехватил их крепче, чтобы унять дрожь.

— Я знаю, — сказал он тихо. И замолчал сам. Голос у него был низкий, чуть хриплый. У неё мурашки побежали по спине.

Молчание повисло. Она слышала, как внизу шумит Нева. Как стучит её собственное сердце.

— Что? — спросила она шёпотом. — Что вы знаете?

Она не заметила, как подалась вперёд на полшага — сама, неосознанно.

— Что мы... — Он замолчал, подбирая слово. Сглотнул. Кадык дёрнулся.

— Что мы уже были? До этого.

Она усмехнулась. Сама не поняла, зачем. Уголки губ дрожали.

— Так не бывает.

— Бывает, — он сделал шаг ближе.

Она видела капли дождя на его ресницах.

— Я вас раньше не видел. Ни разу. Но я вас помню.

У неё снова защипало в глазах. Она хотела отвести взгляд — не смогла. Его глаза держали, не отпускали.

— Глупость какая-то, — сказала она, вытирая слёзы рукой.

— Извините. Я не знаю, что со мной.

— Не извиняйтесь, — сказал он

— Со мной тоже что-то не так. Я шёл по мосту и вдруг понял: сейчас. Сейчас что-то случится.

— И случилось?

— И случилось. Вы.

Он не отводил взгляда. Смотрел так, будто пил её. Будто не мог напиться.

Дождь всё моросил, мелкий, холодный, ноябрьский. Волосы у него совсем промокли, прилипли ко лбу. Одна прядь упала на глаз, но он не замечал. Смотрел только на неё.

— Как вас зовут? — спросила она, чтобы хоть что-то спросить. Чтобы не молчать. Чтобы не разреваться окончательно. Голос её дрогнул на полуслове.

— Алексей. А вас?

— Лена.

Он улыбнулся. Но не просто улыбнулся — его лицо будто осветилось изнутри. Морщинки собрались у глаз. Губы дрогнули. И эта улыбка была такой... родной, что у неё внутри что-то перевернулось. Тепло разлилось по груди, по животу, по рукам. Так странно. Так правильно.

— Лена, — повторил он. — Я искал тебя. — Он запнулся, сам испугался того, что сказал. — Всю жизнь, кажется. Или дольше.

— Ты? — переспросила она. — Мы уже на «ты»?

— Прости, — сказал он. — Я не знаю, почему. Оно само.

Она молчала. Стояла под дождём, смотрела на него и думала: а ведь правильно. Не может быть «вы» с человеком, которого помнишь тысячу лет.

Она протянула руку — сама не поняла, зачем. Просто рука сама потянулась к нему. И замерла в воздухе, не долетев.

Он перехватил её взгляд, посмотрел на её пальцы. И медленно, очень медленно, будто давая ей время отстраниться, поднял свою руку.

Их пальцы встретились.

Не рукопожатие — простое касание. Подушечка его указательного пальца коснулась её запястья, там, где бился пульс.

Она вздрогнула. Он — тоже.

В этом касании было что-то большее, чем просто прикосновение. Будто ток пробежал. Будто искра. Будто...

— Пульс, — сказал он. — У тебя пульс как у птицы. Быстрый-быстрый.

— А у тебя? — выдохнула она.

— А у меня — остановился.

Она улыбнулась сквозь слёзы. Но как же это было... правильно.

— Алексей, — сказала она. Просто имя вслух, чтобы попробовать, как звучит.

Звучало как — дом.

Она молчала. Смотрела на него. Потом спросила тихо:

— А что теперь?

Он растерялся. Это было видно — по тому, как дёрнулось его плечо, как он на секунду прикусил губу.

— Я не знаю. Я думал, если найду — всё само станет понятно. А сейчас...

— А сейчас?

— А сейчас я боюсь, что ты уйдёшь. И я тебя снова потеряю.

— Снова? — переспросила она.

Он замолчал. Долго смотрел на неё. А потом сказал то, от чего у неё перехватило дыхание:

— Ты не представляешь, сколько раз я тебя уже терял. Во сне. В мыслях. Я просыпался и знал: я кого-то потерял. И не мог вспомнить, кого.

Она слушала и чувствовала, как слёзы снова подступают к глазам.

— Я тоже, — прошептала она. — Всю жизнь мне снилось, что я кого-то ищу. И не могу найти.

— Нашла, — сказал он.

— Нашла.

Они стояли на мосту, держась за руки. Дождь падал. Фонари горели. Нева текла — тяжёлая, вечная.

— Я не знаю, что это, — сказала Лена. — Но я не хочу, чтобы это заканчивалось.

Он поднёс её руку к своим губам и поцеловал. Просто так. Легко, будто делал это тысячу раз.

И это было естественно.

Глава 3

Не просто желание, а древняя сила

Они просидели в маленькой кофейне до закрытия.

Говорили обо всём и ни о чем. Лена рассказывала про Эрмитаж, про старые рисунки, которые оживают под руками. Алексей — про мастерскую, про глину, про то, как иногда чувствует в пальцах чужую память.

Но говорили они не так, как говорят с посторонними. Было в их разговоре что-то особенное — паузы, которые не тяготили, взгляды, которые задерживались на секунду дольше положенного, случайные касания, когда он передавал ей сахарницу, а она — чашку.

Лена поймала себя на том, что рассказывает ему то, о чём не рассказывала даже Ире. О том, как в детстве, после развода родителей, она пряталась в шкафу и рисовала там углём на стенах. О том, что до сих пор иногда просыпается ночью и не может понять, где она.

— А ты? — спросила она. — Ты кому-нибудь рассказывал про свои сны?

Он покачал головой.

— Никому. Думал, сочтут сумасшедшим.

— А мне рассказываешь.

— Тебе — да.

— Почему?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. В свете кофейни его глаза казались ещё темнее, ещё глубже.

— Потому что ты — не "кто-то". Ты — та, кого я в этих снах видел.

Она почувствовала, как мурашки побежали по спине.

— У тебя руки, — сказала она вдруг, — я такие знаю. Откуда я знаю твои руки?

Он молча положил ладонь на стол. Медленно, будто давая ей время отстраниться. Лена протянула свою — и замерла.

Их пальцы встретились.

Она почувствовала, как его кожа — тёплая, чуть шершавая от глины — касается её ладони. Он вздрогнул. Она тоже. Но ни один не отдернул руку.

— Ты чувствуешь? — спросил он шёпотом.

— Да, — выдохнула она.

— Что?

— Будто... будто ток.

— У меня тоже.

Они сидели так, держась за руки, и смотрели друг на друга. В кофейне играла тихая музыка, за окном моросил дождь, а для них не существовало ничего, кроме этого касания.

А потом мир взорвался.

Перед глазами вспыхнуло.

Песок. Солнце. Она танцует в длинных одеждах, на ней золото, в руках сistr. А он смотрит из тени колонны, и в глазах у него — любовь. Тихая, запретная, огромная. Она видит, как падает свет на его лицо, как он не дышит, как губы его шепчут что-то беззвучно.

Картинка сменилась.

Замок на скале. Она в башне, у окна. Он на площади, с верёвкой на шее. Она кричит — беззвучно, отчаянно. Он улыбается ей перед смертью.

Ещё.

Подвал. Холод. Темнота. Она держит его руки, дышит на них, растирает. Он смотрит на неё и шепчет: «Я найду тебя. В другой жизни».

Ещё.

Лесная хижина. Две недели рая. Фонтан в Индии. Шатёр викинга. Храм в горах. Бальный зал в Петербурге.

Тысячи жизней. Тысячи смертей. И в каждой — он. И в каждой — она.

Лена отдернула руку. Чашка опрокинулась. Коричневая лужица поползла по скатерти, но она не замечала. Смотрела на него широко раскрытыми глазами, и дыхание её сбилось.

— Что... что это было? — прошептала она.

Алексей смотрел на неё спокойно, но в глазах его стояли слёзы.

— Ты видела? — сказал он. — Ты всё видела?

— Египет... — выдохнула она. — Ты был жрецом. Я танцевала...

— Да.

— И Франция. Тебя повесили. Я кричала из окна.

— Да.

— И война. Подвал. Я согревала твои руки...

— Да.

— И ещё. Много. Столько, что...

Она замолчала. Слёзы текли по щекам, но она не замечала.

— Кто мы? — спросила она шёпотом.

— Мы те, кто ищет друг друга, — ответил он. — Все жизни.

— И каждый раз нас разлучали?

— Много раз. По-разному. Но мы всё равно находили дорогу назад. К друг другу.

Лена молчала. Смотрела на свои руки, которые только что касались его. На пальцы, которые помнили тепло его ладони.

— Ты веришь в прошлые жизни? — спросил он.

— Не знаю, — прошептала она. — Но я видела... я правда видела... я чувствовала...

— Я тоже вижу. Всю жизнь. И всегда искал тебя.

Она подняла на него глаза.

— А если это не прошлые жизни? — спросила она. — Если мы просто сошли с ума? Оба? Он улыбнулся. Грустно, но тепло.

— Тогда мы будем сумасшедшими вместе. Хотя вместе только гриппом болеют. Он чуть улыбнулся.

— Это лучше, чем нормальными — порознь.

Она не выдержала — рассмеялась сквозь слёзы. Потому что это было так... правильно. Так похоже на правду.

— Что нам теперь делать? — спросила она.

— Жить, — ответил он. — Просто жить. И вспоминать.

— Вспоминать?

— Всё, что забыли. Чтобы в этот раз не потерять друг друга.

Она протянула руку и снова коснулась его ладони. На этот раз — сама. Сознательно.

— Я не хочу тебя терять, — сказала она. — Даже не успев найти.

— Не потеряешь, — ответил он. — Теперь уже не потеряешь.

Они сидели так, держась за руки, и дождь стучал по стёклам, и музыка играла, и время текло мимо них.

А они не замечали.

Глава 4

Нас снова друг к другу сквозь время прижало

Они вышли из кофейни, когда город уже спал.

Дождь кончился. Над Невой висел туман, фонари горели мягко, как свечи. Где-то далеко, за мостом, проехала машина — и снова тишина.

Они шли рядом. Близко. Почти касаясь друг друга плечами.

Лена чувствовала тепло его тела даже сквозь пальто. Или это у неё внутри было тепло? Она уже не разбирала. Только знала, что идти вот так, рядом с ним, — правильно. Будто всю жизнь только и делала, что шла рядом с ним по ночному городу.

— Куда мы идём? — спросила она тихо.

— Не знаю, — ответил Алексей. — Просто идём.

— Хорошо.

— Тебе не страшно?

— Со мной?

— Что я могу оказаться маньяком или психопатом.

Она улыбнулась.

— Если ты маньяк, то самый вежливый из всех, кого я встречала.

Он тоже улыбнулся.

— А если серьёзно?

Она остановилась. Посмотрела на него.

— А если серьёзно, — сказала она, — то мне всё равно. Понимаешь? Мне вообще всё равно, кто ты, что ты, откуда. Я чувствую только одно: я не хочу, чтобы ты уходил.

Он смотрел на неё долгим взглядом.

— Я тоже, — сказал он. — Не хочу уходить.

Они пошли дальше.

Они вышли на набережную. Внизу текла Нева — чёрная, тяжёлая, в разводах от фонарей. Туман плыл над водой, закручивался в воронки, прятал противоположный берег.

— Красиво здесь, — сказала Лена.

— Да. Я люблю этот город ночью. Днём он суетливый, нервный. А ночью — настоящий.

— Какой?

— Старый. Глубокий. Помнящий.

Она посмотрела на него.

— Ты часто говоришь про память.

— А ты часто молчишь про неё.

Она улыбнулась.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. Ты вся — память. Даже когда молчишь.

Она остановилась у парапета. Оперлась локтями о холодный камень. Смотрела на воду.

Он встал рядом. Тоже опёрся о парапет. Теперь они смотрели в одну сторону — в туман, в темноту, в вечность.

Какое-то время они молчали. Но молчание не тяготило. Наоборот — в нём было что-то уютное, родное.

— Алексей, — сказала она вдруг.

— Что?

— Можно я задам тебе один вопрос?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь чувствовал, что живёшь не свою жизнь?

Он повернулся к ней. Внимательно посмотрел.

— Всегда, — ответил он. — С детства.

— И что ты делал?

— Ждал.

— Чего?

— Тебя.

Она почувствовала, как её сердце замерло.

— Откуда ты знал, что я существую?

— Не знал. Просто ждал. А ты?

— Я тоже ждала, — сказала она тихо. — Только не знала, чего жду.

Он протянул руку и очень осторожно, будто боясь спугнуть, убрал прядь волос с её лица. Просто убрал — и замер. Пальцы его задержались у её виска на секунду дольше, чем нужно.

Она затаила дыхание.

— Можно? — спросил он.

— Что?

— Ещё раз дотронуться.

Она кивнула.

Он провёл пальцами по её щеке. Медленно. Осторожно. Будто изучал. Будто запоминал.

— Ты не представляешь, — сказал он шёпотом, — как долго я ждал этого момента.

— Я тоже ждала, — ответила она.

Он улыбнулся.

— Расскажи, — попросила Лена. — Что ты ещё помнишь?

Он убрал руку, но остался стоять так близко, что она чувствовала его дыхание.

— Много, — ответил он просто. — Не сразу, постепенно. С детства снились сны. Я думал — фантазия, воображение. А потом понял: это память.

— И что ты помнишь?

— Египет. Ты танцевала в храме. Я смотрел из тени колонны и не мог дышать. Помню запах ладана. Помню твои волосы.

Лена молчала. Слушала.

— Потом Франция. Ты была в замке. Я пел для тебя, а ты улыбалась одними уголками губ. Помню, как пахло увядшими розами в саду.

Она закрыла глаза.

— Помню Сталинград. Подвал. Холод. Твои руки, которые согревали мои. Три дня. Всего три дня.

— А ещё? — спросила она шёпотом.

— Рим. Лесная хижина. Две недели рая. Индия. Фонтан. Твои глаза над палантином.

Он замолчал на мгновение, будто всматриваясь в туман над Невой.

— Были и другие. Я помню их не так ярко — скорее, как отголоски, как тени на стене. Греция. Берег моря, ты стоишь надо мной, а я открываю глаза и впервые вижу солнце — и тебя.

— Ещё?

— Дикий Запад. Костер в прерии, ты сидишь напротив, в волосах перья, и смотришь на меня так, будто видишь не только меня, но и все мои прошлые жизни сразу.

— Англия. Старый лес, туман, ты идёшь с вязанкой хвороста и оборачиваешься — а я стою и не могу двинуться с места, потому что узнал тебя по глазам.

— И это всё?

— Почти. Китай. Храм в горах, туман, алтарь. Ты подаёшь мне чай, и когда наши пальцы касаются, я вспоминаю всё сразу. Все жизни. Все разлуки. Все встречи.

Она открыла глаза, посмотрела на него.

— И каждый раз мы теряли друг друга?

— Каждый раз.

— Зачем ты мне это говоришь?

Он повернулся к ней полностью. Взял её за руку. Теперь обе её руки лежали в его ладонях.

— Затем, что в этот раз мы не хотим потерять. В этот раз надо успеть.

— Успеть что?

— Прожить. Всю жизнь. Одну, но целиком. Не три года, не три дня — всю.

Лена смотрела на него и понимала: она ему верит. Каждому слову. Потому что внутри, глубоко-глубоко, тоже всё это было. Ждало. Молчало — и ждало.

— Что нам делать? — спросила она тихо.

— Жить, — ответил он. — Просто жить вместе. Как не могли раньше.

— А если опять?

— Не опять. Я чувую. Это другая жизнь. Другое время. Никто нас не убьёт, не разлучит, не сожжёт.

Она посмотрела на свои руки, которые он держал.

— Ты правда веришь?

— Правда.

Она вздохнула. Глубоко, как после долгой болезни, когда воздух наконец входит в лёгкие.

— Знаешь, — сказала она, — я всю жизнь ждала. Сама не знала чего. Просто ходила и ждала. Иногда думала: может, замуж выйти, родить детей, забыться. А потом понимала: нет. Не могу. Что-то держит.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я тоже ждал. Каждое утро просыпался и думал: может, сегодня? Может, сейчас?

— И сегодня?

Он улыбнулся.

— И сегодня.

Она посмотрела на мост, на фонари, на туман.

— Страшно, — сказала она.

— Чего?

— Что это сон. Что я проснусь. Что тебя нет.

Он взял её лицо в ладони. Повернул к себе.

— Я есть, — сказал он тихо. — Я здесь. И никуда не денусь.

Она смотрела в его глаза. Глубокие, тёплые, бесконечные.

— Можно тебя поцеловать? — спросила она.

Он не ответил. Просто наклонился и поцеловал сам.

Губы у него были сухие, тёплые, чуть солёные. Он целовал её медленно, осторожно, будто пробовал на вкус. Будто запоминал.

Он дышал неровно — она чувствовала это по тому, как его грудь поднималась и опускалась у её плеча. Её собственное дыхание сбилось. В горле встал ком. Пальцы сами вцепились в его пальто.

Она прикрыла глаза и отдалась этому поцелую. В нём было всё: и тысяча лет ожидания, и боль прошлых потерь, и надежда на то, что теперь — всё иначе.

А потом внутри стало горячо — так, будто кто-то разжёл свечу ту самую — неугасимую, вечную, тот огонь, что они пронесли через все жизни. Тепло потекло вниз по животу, в руки, в кончики пальцев. Она не могла дышать — и не хотела.

Когда они оторвались друг от друга, в глазах у обоих стояли слёзы.

— Ты чувствуешь? — спросил он шёпотом.

— Что?

— Мы дома.

Она кивнула.

— Да. Мы дома.

Вокруг плыл туман, текла Нева, спал город, который видел тысячи таких историй. Но эта была их. Только их.

Они разошлись под утро.

Договорились встретиться завтра. В той же кофейне, в шесть.

Лена шла домой и не чувствовала ног. Летела. Внутри всё пело.

— Господи, — шептала она. — Спасибо.

Она не знала, кому говорит. Просто спасибо.

Алексей шёл в другую сторону. Остановился на середине моста, посмотрел вслед.

— Нашёл, — сказал он вслух. — Нашёл.

И заплакал.

Впервые за много лет.

Глава 5

Мы помним все жизни, что прожиты вместе

Новелла «Три года в Египте»

Они сидели в мастерской. За окном смеркалось, фонари зажигались один за другим, и Неву подсвечивало снизу, будто в ней самой горел огонь.

Алексей отставил кружку с остывшим чаем. Закрыв глаза.

— Ты хочешь услышать всё? — спросил он.

— Всё, — ответила Лена. — Каждую минуту.

Он помолчал. А когда заговорил, голос его звучал иначе — глубже, древнее, будто сам воздух в мастерской сгустился.

И он начал рассказывать. О первой жизни, которую помнил.

Часть первая. Храм

Я пришёл в Фивы из Мемфиса.

Меня сослали. Слишком близко стоял к трону, слишком много знал, слишком смело смотрел на фараона. При дворе такие не нужны. В храме Хатхор — в самый раз. Здесь, говорили, богиня любит тишину и смирение. Здесь я научусь не поднимать глаз.

Я и не поднимал. Первые месяцы.

А потом я увидел тебя.

Ты танцевала в утреннем служении. Солнце только вставало, и первый луч упал на золото твоего систра, разлетелся искрами по залу. Ты стояла в центре, босая, в белом льне, и я вдруг забыл, как дышать.

Ты не видела меня. Ты танцевала для богини. Руки твои двигались плавно, как стебли папируса на ветру. Сistr звенел — тихо, в ритм твоим шагам. Ты повернулась, и свет упал на твоё лицо.

Я понял: это та, которую я искал. Всегда.

После службы я спросил у старого жреца, как тебя зовут.

— Нефру, — ответил он. — Лучшая танцовщица храма. Дочь жрицы. Её посвятили богине ещё в детстве.

— Она выходит за храм?

— Она уже замужем за храмом. У неё нет другой жизни.

Я кивнул и ушёл в свою келью. Лёг на циновку, смотрел в потолок и думал: зачем богиня показала мне тебя, если ты не можешь быть со мной?

Часть вторая. Сад

Прошёл месяц. Я научился не смотреть на тебя в храме. Опускал глаза, когда ты танцевала, считал удары своего сердца, чтобы не сбиться с дыхания.

А по ночам не спал.

В храме был сад. Старый, запущенный, с сикоморами с оранжево-розовыми плодами, которые помнили ещё первых жрецов. Туда почти никто не ходил — слишком много змей, говорили. Слишком темно.

Я ходил каждую ночь.

Садился под самым большим деревом, смотрел на луну и представлял, что ты рядом. Глупо. По-мальчишески. Но я ничего не мог с собой сделать.

В ту ночь луна была полной. Я сидел под сикомором и вдруг услышал шаги.

Ты вышла из темноты.

Босиком, в простом тёмном платье, с распущенными волосами. Ты посмотрела на меня — и не удивилась.

— Я знала, что ты здесь, — сказала ты тихо. — Каждую ночь знала.

Я встал. Подойти не решился.

— Нефру...

— Ты смотришь на меня в храме, — перебила ты. — Думаешь, я не чувствую? Я всё чувствую. С первого дня.

— Я не хотел...

— Хотел. И я хотела.

Ты сделала шаг ко мне. Потом ещё один. Твои глаза в лунном свете казались чёрными, бесконечными, как ночное небо над пустыней.

— Как тебя зовут? — спросила ты.

— Сенмут.

— Сенмут, — повторила ты. — Я буду приходить сюда. Каждую ночь, когда смогу. Только никому не говори.

— Если узнают?

— Я знаю. Если узнают — нас убьют.

Ты сказала это так спокойно, что у меня сердце остановилось.

— И ты всё равно готова приходить?

Ты посмотрела на меня долгим взглядом.

— Я не знаю, кто ты, — сказала ты. — Но мне кажется, я ждала тебя всю жизнь. Ещё до того, как родилась. Это глупо?

Я не ответил. Я просто взял твою руку.

Ты не отдернула.

Мы стояли под сикомором, держась за руки, и луна плыла над нами, и где-то в темноте плескалась вода в священном озере.

Часть третья. Ночь

Мы встречались в саду каждый раз, когда получалось.

Не каждую ночь — слишком опасно. Иногда раз в неделю, иногда раз в месяц на полную луну. Ты приходила, я ждал. Мы сидели под сикомором, говорили шёпотом, боясь, что нас услышат даже деревья.

Ты рассказывала о детстве в храме. О матери, которая умерла, когда тебе было десять. О богине, которую ты научилась любить так, как другие любят мужей и детей.

Я рассказывал о Мемфисе. О дворе. О фараоне, который боится даже собственной тени. О том, как я мечтал уйти — и ушёл ценой ссылки.

— Ты жалеешь? — спросила ты однажды.

— О чём?

— Что тебя сослали сюда.

Я посмотрел на тебя. Ты сидела рядом, подобрал ноги, и лунный свет серебрил твои волосы.

— Если бы меня не сослали, я бы не встретил тебя, — ответил я. — Значит, богиня знала, что делала.

Ты улыбнулась. Первый раз я видел, как ты улыбаешься.

— Ты странный, — сказала ты. — Жрецы так не говорят.

— А я не жрец, — ответил я. — Я просто человек, который искал тебя.

Ты замолчала. А потом спросила:

— Ты веришь, что души живут больше одной жизни?

— Верю.

— Почему?

— Потому что я помню. Не словами, не картинками. Но когда я смотрю на тебя, я помню твои руки. Помню, как ты жила и умирала. Не здесь — там.

— Где?

— Не знаю. Там, где было холодно. И там, где горел огонь.

Ты долго молчала. А потом прижалась ко мне, спрятала лицо у меня на плече.

— Я тоже помню, — прошептала ты. — Когда ты впервые посмотрел на меня в храме, я чуть не упала. Потому что твои глаза... я их уже видела. Во сне.

Я обнял тебя. Мы сидели под сикомором, и я думал: если завтра нас убьют — это стоит того. Ради этой ночи.

Часть четвёртая. Три года

Три года тайных встреч под луной. Три года записок, которые мы передавали через служку, подкупив его медом и лепёшками. Три года взглядов в храме — коротких, опасных, от которых у обоих останавливалось сердце.

Мы ни разу не коснулись друг друга при свете.

Только в саду. Только ночью. Только под сикомором.

Ты научила меня слушать тишину. Я научил тебя не бояться смерти.
— Ты думаешь о ней? — спросила ты однажды.
— О смерти? Часто.
— И что ты думаешь?
— Что, если нас убьют вместе — это не страшно. Страшно, если убьют поодиночке.
Ты провела рукой по моей щеке.
— Мы умрём вместе, — сказала ты. — Я обещаю.
Я закрыл глаза. Твои пальцы пахли ладаном и чем-то ещё — тёплым, живым, твоим.
— Ты пахнешь домом, — сказал я.
— Домом?
— Местом, где я хочу быть всегда. С тобой.
Ты поцеловала меня в первый раз той ночью.
Я помню этот поцелуй до сих пор. Через все жизни помню.

Часть пятая. Конец

Нас выдали.

Служка, которому мы платили, оказался слишком жадным. Он хотел больше — или просто испугался. Не знаю. Знаю только, что однажды ночью, когда я ждал тебя под сикомором, вместо тебя пришли стражники.

Меня взяли сразу. Не дали даже закричать.

Ты была в своей келье. Ты ничего не знала.

Утром меня привели к верховному жрецу. Он смотрел на меня с безразличностью, как на червяка.

— Ты осквернил храм, — сказал он. — Ты прикасался к той, что принадлежит богине.

— Она никому не принадлежит, — ответил я.

— Ты умрёшь на огне. А её утопят в священном озере. Богиня смоет ваш грех водой.

Я молчал. Внутри всё горело, но не от страха — от ярости.

— Можно последнюю просьбу? — спросил я.

— Какую?

— Увидеть её. Один раз.

Жрец усмехнулся.

— Увидишь. На казни.

Нас казнили на рассвете.

Меня привязали к столбу на площади. Вокруг сложили хворост, пропитанный маслом. Ты стояла у озера — в белом, с верёвкой на шее, с камнем у ног.

Я смотрел на тебя. Ты смотрела на меня.

Мы не плакали. Не кричали. Мы просто смотрели друг на друга.

Жрец поднял руку. Факелы вспыхнули.

И в тот момент, когда огонь коснулся моих ног, а стражники толкнули тебя в воду, я услышал твой голос.

Не крик. Шёпот.

— Я найду тебя.

Я рванулся. Верёвки впились в руки, но я не чувствовал боли.

— Я тоже! — закричал я. — Я найду тебя снова!

Вода сомкнулась над тобой.

Огонь взметнулся до неба.

А я думал только одно: мы встретимся. Обязательно встретимся. Не в этой жизни — в другой.

Тишина.

Лена сидела, не двигаясь. По щеке текла слеза, но она не замечала.

— Мы прыгнули вместе, — тихо сказал Алексей. — Ты — в озеро. Я — в огонь. Но мы ушли одновременно.

— Я помню, — прошептала Лена. — Я не знала, что помню, но... я всегда боялась воды. И огня. Всю жизнь боялась.

— Это память.

— А потом?

— Потом были другие жизни. Франция. Сталинград. И сейчас.

Лена взяла его руку, прижала к своей щеке.

— Три года, — сказала она. — У нас было три года в Египте.

— Да.

— А сейчас у нас будет больше.

— Больше, — ответил он. — Целая жизнь.

За окном смеркалось. Нева текла тяжело и спокойно.

А в мастерской пахло глиной и ладаном — или ей только казалось.

Глава 6

Любовь, что горит неугасимым огнём

Новелла «Трубадур и дама»

За окном моросил дождь — мелкий, ноябрьский, бесконечный.

Алексей рядом разминал глину.

— Расскажи про Францию, — попросила Лена.

Алексей долго молчал. А когда заговорил, голос его звучал иначе — с лёгкой хрипотцой, будто он только что спел несколько песен подряд.

— Это была другая жизнь, — начал он. — Совсем другая.

Часть первая. Замок

Я был трубадуром.

Звали меня Жан. У меня не было ничего: ни дома, ни земли, ни денег. Только старая лютня и голос, который, как говорили, мог разжалобить даже камень.

Я бродил по дорогам Франции. Ночевал в лесах, в хижинах пастухов, иногда — в замках, если хозяева соглашались слушать мои песни за ужин и крышу над головой.

В тот замок я пришёл на закате.

Он стоял на скале, серый, неприступный, с башнями, которые упирались в небо. Вокруг — ничего, только ветер и камни.

Я думал: здесь живут суровые люди. Им не до песен.

Но ночевать где-то надо.

Меня впустили. Провели в большой зал, где горел камин и пахло жареным мясом. За длинным столом сидел барон — грузный, с тяжёлым взглядом. Рядом с ним — его люди, такие же мрачные.

А в углу, у окна, стояла ты.

Я увидел тебя сразу. Хотя ты была в тени, хотя на тебе было тёмное платье, хотя ты не шевелилась — я увидел.

Ты смотрела в окно. На закат. На пустоту.

Барон перехватил мой взгляд.

— Моя жена, — сказал он коротко. — Не смотри на неё.

Я отвернулся. Но краем глаза всё равно видел: ты обернулась. Посмотрела на меня. Всего секунду.

Этой секунды хватило.

Часть вторая. Песня

Вечером меня попросили спеть.

Я взял лютню, провёл пальцами по струнам. Ты села не рядом с мужем, как положено, а чуть поодаль, ближе к окну. И снова смотрела в темноту.

Я запел.

Обычно я пел о подвигах, о рыцарях, о далёких краях. Но в тот вечер я пел о тебе.

О женщине, которая смотрит в окно. О глазах, которые видели больше, чем им положено. О руках, которые не знают ласки.

Я пел, не глядя на тебя. Боялся выдать себя.

Но в середине песни я поднял глаза.

Ты улыбнулась.

Чуть-чуть. Одними уголками губ. Так, что никто, кроме меня, не заметил.

Я чуть не сбился. Струны дрогнули под пальцами. Я заставил себя петь дальше, но внутри всё пело уже другое: ты улыбнулась мне.

Обычно трубадуры не задерживались дольше чем на ночь. Но барону понравились мои песни, и он разрешил остаться на несколько дней. Наверное, думал, что я развлекаю его людей.

Я пел каждый вечер, о разном. Но он не понимал, что каждый вечер мои песни я пел только для тебя.

Однажды, после ужина ко мне подошёл слуга.

— Госпожа велела передать, — шепнул он, — что завтра утром она будет в часовне. Одна.

Я кивнул. Спрятал улыбку.

Часть третья. Часовня

Часовня была маленькой, каменной, холодной. Пахло сыростью и старым ладаном.

Ты стояла на коленях перед распятием. Когда я вошёл, ты не обернулась.

— Ты пришёл, — сказала ты тихо.

— Ты позвала.

Ты встала. Повернулась ко мне. В полумраке часовни твоё лицо казалось бледным, как у статуи.

— Как тебя зовут? — спросила ты.

— Жан. А тебя?

— Алиенора.

Я повторил про себя: Алиенора. Красивое имя. Тяжёлое, как этот замок.

— Ты зачем позвала меня? — спросил я.

Ты помолчала. А потом сказала:

— Я слушала твои песни. И поняла: ты знаешь.

— Что знаю?

— Что я здесь умираю. Каждый день понемногу.

Я смотрел на тебя и видел: ты говоришь правду. Твои глаза были сухими, но в них стояла такая тоска, что у меня сердце сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.